

Концепция сезонного отмыкания и замыкания земли в балтийской традиции

Нийоле Лауринкене

This article analyses the concept of the Earth's seasonal opening and closing, which is reconstructed based on Baltic, mainly Lithuanian, and partly Slavonic folklore. It looks at what kind of mythical being was connected to these cyclical regularly occurring processes, and which played a role of an inducer or an executor of these phenomena. It is presumed that it could have been performed by St. George. In the Baltic mythology and folklore, this being is a quite a late substitute for the earlier pagan deities.

Keywords: Baltic mythology, Lithuanian folklore, Slavonic folklore, Earth's opening and closing, St George, Pergrubrius, Patrimpo.

Балты и славяне с древних времен верили, что просыпающаяся весной земля открывается, отмыкается, а осенью она закрывается, исчерпав все свои жизненные силы и готовясь к зимнему сумраку и холоду. Во время изменения природной ситуации ей необходимо было на соответствующий промежуток времени затвориться, испытать пассивное состояние – «отдохнуть», чтобы весной ожить для нового цикла создания земной жизни. Концепция отмыкания земли весной и замыкания осенью может быть реконструирована только приблизительно из-за скудного количества фактов литовского фольклора, связанных с данной темой, но всё таки они позволяют делать некоторые замечания и выводы.

Кое-где в Литве говорится, что земля начинает отдыхать тогда, когда ее сковывает холод, а именно – на День всех святых (1 ноября), перед Днем поминовения усопших (*Vėlinės*): *Žemės negalima judinti nuo Visų Šventų, kad ji pailsėtų* «Землю нельзя трогать со Дня всех святых, чтобы она отдохнула» (д. Грядаве, Тракайский р-н, LTR 7787 /17).

Однако чаще всего конкретная дата замыкания земли называется лишь приблизительно; она связывается со временем поздней осени и началом зимы.

Исчезновение змей осенью

Некоторые сведения о замыкании земли можно извлечь из фольклорных нарративов о залезании змей в землю осенью и вылезании весной. Данные сезонные действия змей могли быть связаны с комплексом представлений о замыкании и отмыкании земли. В начале осени змеи залезают в землю примерно

в день католического Рождества Богородицы (8 сентября, праздник *Šilinė*): *Ođinas lenda į žemę apie Matkibožęj* «змея лезет в землю около [дня] Матери Божьей» (д. Жижмай, Шальчининский р-н, LTR 6447 / 394); *Ais jau anas [odžinas] žemèn aštuntą [rugsėjo]* «Так там эта [змея] пойдёт в землю восьмого [сентября]» (д. Шюдайняй, Шальчининский р-н, LTR 6447 / 523; см. и LTR 6447 / 888); *Aštuntą rugsėjo – Ašpažėlį gyvatės sulenda į žemę, tada būna jų vestuvės i po vestuvių jos lenda žemėsna. A jau baisu tadu daros. Aš nežnojau irgi. Nuveinu miškan uogų, spanguolių atsinešt. Kap aš unėjau miškan, a Jėzau, a Jėzau, viena su kitu, viena su kitu gyvatės susivijusios, ciktai švykščia* «Восьмого сентября – в *Ašpažėlį* змеи залезают в землю, тогда бывает их свадьба, и после свадьбы они лезут в землю. А уже страшно тогда делается. Я не знаю тоже. Иду в лес за ягодами, клюквы принести. Как я зашла в лес, о Иисусе, о Иисусе, одна с другой, одна с другой змеи перевиты, только шипят» (Адутишкис, Швенчёнский р-н, LTR 7793 / 74). В другом случае говорят, что после католического праздника Воздвижения св. Креста (14 сентября) пропадают все змеи; после этого праздника ни одной из них не найдешь, все спрятались (д. Стугляй, Утянский р-н, LTR 5080 / 38).

У славян с осенним исчезновением змей на поверхности земли связывается день Воздвижения Креста Господня (14 сентября или 27 сентября по старому стилю). Представлялось, что в это время змеи уходят на зимовку до Благовещения (25 марта), дня св. Георгия (23 апреля) или дня св. Руфа (8 апреля) (СД I 400). День Воздвижения Креста Господня в народном календаре восточных славян означал начало осени, а вместе с тем мог восприниматься и как время замыкания земли (СД II 317). При этом западные славяне верили, что «земля засыпает» на зиму намного позднее – во время предрождественского поста, то есть на Адвент. Говорится, что с этого времени земля «обмирает», «болеет», «спит», «отдыхает», и поэтому запрещается выполнять любые сельскохозяйственные работы (СД II 317).

Таким образом, период замыкания земли, его начало как в балтийских, так и в славянских верованиях определяется неоднозначно.

Первая гроза весной, праздники св. Бенедикта, Благовещения

Определение конкретного времени и обстоятельств отмыкания земли весной в литовских верованиях варьируется. В юго-восточной Литве оно связывается с первой грозой: *Perkūnas atrakina žemyną* «Пяркунас отмыкает землю» (д. Миштунай, Шальчининский р-н, LKŽK); *Ale cik kap ažugraudžia grausmas. Tai tadu sako: "O, jau ažugraudė, tai jau žamį atrakino, tai jau dar augs žolė"* «Але только как загремит гром. Вот тогда говорят: «О, уже загремел, так уже землю отомкнул, так уже будет трава расти» (д. Жижмай, Шальчининский р-н LTR 6447 / 333).

Для латышей исключительным в рассматриваемом значении был день св. Бенедикта (21 марта, *Bindus deena*). Приблизительно в это время должны начать шевелиться черви, муравьи и т.п., которые залезли в землю (J. Lange, BRMŠ IV 167). Таким образом, в день св. Бенедикта оживают зимовавшие в земле насекомые и показываются на ее поверхности, а это, вероятно, было возможно только тогда, когда земля весной освобождается от сковывавшей ее мерзлоты.

Праздник Благовещения Пресвятой Богородицы 25 марта (в Литве назывался *Gandrinė / Blovieščiai / Zvestavonė*) также мог считаться днем отмыкания земли,

однако данная концепция мало обоснована литовскими данными, зато в славянском фольклоре раскрыта намного ярче. Рассматриваемая ситуация была основным славянским праздником, связанным с концепцией «пробуждения» земли и раскрытия ее глубин (СД II 316).

В одном из украинских верований (Уманский уезд) говорится: как рассказывают старые люди, на Благовещение из земли вылезают ужи, раскрывается земля и начинают расти деревья, трава, растения: *Стари люди кажуть, що уже на Благовіщення вилазять ужі наверх, одмикаєця зимля, и ростение, и трава, дерево починає рости* (Агапкина 2002, 108). У южных славян широко распространено верование, что весной открывается земля и небо, выпуская на просторы земли не только разных живых существ (насекомых, птиц и т.д.), но и души умерших (СД II 317).

В литовских верованиях, связанных с этим днем, в большинстве случаев акцентируется змея, которая, видимо, приблизительно в это время вылезала из земных глубин и становилась опасной для людей: *Gyvātės iš žemės lenda per Zvestavonę* «Змеи из земли вылезают на Звеставоне» [Благовещение] (д. Смильгиняй, Вороновский р-н, Беларусь, LTR 7784 / 184); *Mūs senelė [per Zviestavonę – N. L.] parnešė šakų an šluotų, tai gyvatį atnešė* «Наша бабушка [на Звеставоне – Н. Л.] принесла веток для метел, так змеей принесла» (д. Пелеса, Вороновский р-н, LTR 7784 / 118); *Tai nemožna, itai dzvidešimtpinkto kovo nemožna pagalio nešć. [Padėj] tį kelias dienas, tadū nuvej brolis in skiedryno, ir gul odina tį an skiedryno, kur pagalį metė* «Так нельзя, до двадцать пятого марта нельзя палок нести. [Положил] ее несколько дней, потом пошел брат к поленнице, и лежит змея возле поленницы, куда палку бросил» (д. Жижмай, Шальчининкский р-н, LTR 6447 / 326). *Apreiškimas Panelės Švenčiausios, kad gims Kristus – Zvestavones, tai negalima iš miško atnešti jokio pagalio, o jei atneši ne tik iš miško, iš bile kur jeigu aini, pasiimi pagalį ir atsineši, ateis gyvatė* «Благовещение Пресвятой Богородицы, что родится Иисус – Звеставоне, так нельзя из леса никаких палок приносить, а если принесешь не только из леса, от куда-то если идешь, возьмешь палку и принесешь, змея придет» (Онушкис, Тракайский р-н, LTR 7787 / 119).

Как отмечает Ангеле Вишняускайте, жители местечка Твярячюс закапывали под порогом хлева случайно найденную в тот день змею: они верили, что в таком случае змеи не будут жалить домашних животных (Vyšniauskaitė 1993, 46).

Змея – типичное животное земли, репрезентант ее подземной области. В месте с тем змея была тесно связана с умершими, могла восприниматься как инкарнация души предка.

Св. Юргис (св. Георгий)

Однако в Литве открывание, отмыкание земли чаще всего связывается с днем св. Георгия (Jurginės), а роль основного ее «отмыкателя» выполняет св. Юргис (šv. Jurgis, св. Георгий). Это отражается в следующих обрядовых песнях: *Jurja, geras vakaras, / Jurja, geras vakaras! / Jurja, paімk raktus, / Jurja, paімk raktus, / Jurja, at-rakin žemį, / Jurja, atrakin žemį, / Jurja, išlaidz žalalį, / Jurja, išlaidz žalalį: / Jurja, žalalį šilkinį, / Jurja, rasalį meduotų, / – Žalala bus dėl arklalių, / Rasala – dėl veršalių* «Юрья, хороший вечер / Юрья, хороший вечер! / Юрья, возьми ключи, / Юрья, возьми ключи, / Юрья, отомкни землю, / Юрья, отомкни землю, / Юрья, выпусти траву, /

Юрья, выпусти траву : / Юрья, траву шелковую, / Юрья, росы медовые, / – Трава будет для лошадок / Росы – для теляток» (д. Мелагенай, Игналинский р-н, LTR 2920 / 58; см. и LTR 1924 / 14).

Jurgi, išlaisk rasų, / Jurgi, išlaisk rasų, / Jurgi, atrakink žemį, / Jurgi, atrakink žemį, / Jurgi, vilgyk žemį, / Jurgi, vilgyk žemį, / Jurgi, želdink žolį, / Jurgi, želdink žolį «Юргис, выпусти росы, / Юргис, выпусти росы, / Юргис, отомкни землю, / Юргис, отомкни землю, / Юргис, увлажни землю, / Юргис, увлажни землю, / Юргис, расти траву, / Юргис, расти траву» (д. Лаздиняй, Швенченский р-н, LTR 7793 / 117).

В верованиях повторяется мотив св. Георгия как «отмыкателя» земли: *Nu tai taip, rudenį užsirakina žemė, pavasarį švints Jurgis atrakina* «Ну так вот, осенью замыкается земля, весной св. Юргис её отмыкает» (д. Швянтупе, Укмяргский р-н, LTR 7785 / 31); *Tai šv. Jurgis atrakina žemę, o kaip anksčiau darydavo, tai nežinau. [Ką tai reiškia atrakina žemę?] Nu galima tada dirbt lauko darbus* «Так св. Юргис отмыкает землю, а как раньше делали, так не знаю. [Что это значит – отмыкает землю?] Ну тогда можно работать полевые работы» (д. Гряднаве, Тракайский р-н, LTR 7787 / 13). *Sako, kad Jurgis žemį atrakina, ale dėlko ir kap tįnai, tai negaliu papasakot kap itai būna* «Говорят, что Юргис землю отмыкает, однако почему и как именно, так не могу рассказать, как это бывает» (д. Мацюяй, Шальчининский р-н, LTR 6447 / 675); *Šv. Jurgi, atrakink žemynų <...>* «Св. Юргис, отомкни землицу <...>» (д. Армонишкес, Вороновский р-н, LKŽK).

По мнению А. Ю. Греймаса, тексты Юргинес с подобным содержанием «демонстрируют антропоморфное соединение Св. Юргиса с землей, и именно с Жяминой Жедкялеле (*Žemyna Žiedkelėle*)» (Греимас 1990, 456). Песни похожего содержания поют и белорусы: *Юры, уставай рана, / Адмыкай зямлю, / Выпускай расу / На цёплае лета, / На буйнае жыта, / На ядраністае, / На каласістае!* (Минск, ВП 159 / 166; см. и № 163, 167-169).

Песни Юргинес в Литве больше всего распространены на территориях, граничащих или в самой Белапусии, где живут литовцы: Швенченский р-н (округа Адутишкис и Мелагенай), Островский р-н (Гродненская область, Беларусь), Шальчининский р-н (округ Девянишкес). Отдельные варианты зафиксированы в Игналинском, Биржайском, Варенском районах (округа Марцинконис и Мяркинес), а также в Вороновском р-не (Гродненская область, Беларусь) (по данным картотеки Литовских народных песен Института литовской литературы и фольклора).

В некоторых описаниях обычаев Юргинес отмечается, кто пел посвященные Юргису песнопения и где проводились данные обряды: *Jurginės giedamos užsilipus ant tvoros <...> ir būtinai ant tų tvorų, kurios yra parugėje. Jurginių giedojimai tęsdavosi 12 dienų, per tas dienas būdavo giedama vakarais (prietemoj) jurginės* «Юргинес пели, взобравшись на забор <...> и обязательно на те заборы, которые находятся у ржаного поля; *Bobos sėdži un ravo prie ciltalio (kur nuvažiuos atšlaiman), giedodavo „Jurja, paduok raktus“* « Бабы сидят на раве возле мостика» (где ехать во двор) и поют «Юрья, подай ключи» (Адутишкис, Klimka, Seliukaitė 2003, 402-416). Подчеркивается, что песнопения Юргинес продолжались 12 дней, в эти дни пели по вечерам (в сумерки) Юргинес» (Адутишкис, BILKŠ 164-165 / 38)

Особый случай, когда песнопения Юргинес пели, обходя ржаные поля: *Gervėčių apyl. Petrikų k. apvaikšiodamos rugius moterys giedodavo: Jurgi, tėvas šaukia, Jurgi, tėvas šaukia: – Jurgi, paduok raktus, Jurgi, paduok raktus. Žemelį atrakintie, Kad žolalė užaugtų*

<...> «В деревне Пятрикай округа Гярвечяй женщины, обходя ржаные поля, пели: «Юргис, отец зовет, Юргис, отец зовет: – Юргис, подай ключи, Юргис, подай ключи. Землицу отомкни, Чтобы травушка выросла» (Kudirka 1997, 13).

Таким образом, носители фольклора все время акцентируют, что пение песнопений Юргинес было прерогативой женщин и девушек. Данные обряды они выполняли на природе, чаще всего взобравшись куда-нибудь повыше – на забор, стог сена или же просто обходя вокруг ржаных полей и тем или иным образом призывая Юргиса, отмыкателя земли, потому что только после раскрытия земли возможна вегетация растительности.

Св. Юргис – субститут языческого божества

Св. Юргис (Георгий) – довольно поздняя замена более раннего языческого божества. Рассматриваемый святой, принадлежащий не только балтийской, но и славянской, а также некоторым другим традициям, является архаичным мифическим персонажем, облаченным в христианские одежды. В первой половине XX в. была выдвинута гипотеза о связи св. Георгия и его предшественника с концепцией умирающего и воскресающего божества. Это декларировал известный этнограф Джеймс Джордж Фрэзер. Анализируя архаичные обычаи сирийцев, он упомянул, что соответствием Адониса в более поздние времена стал св. Георгий (Frazer 1961, 109).

Греческий Адонис – бог финикийско-сирийского происхождения (распространенный во всем регионе Средиземного моря), функции которого были связаны с явлениями роста растительности. Его смерть и возрождение символизировали сезонное угасание и возобновление вегетации. Божественное бытие Адониса, как это свойственно божествам растительной вегетации, поочередно реализовывалось в двух областях мифического мира – подземной и надземной: он был обязан (по решению Зевса) проводить часть года в королевстве мертвых у Персефоны, а оставшееся время – на земле со своей любимой Афродитой.

Междутем Вячеслав Иванов и Владимир Топоров утверждали, что предшественником славянского *Юрия* мог быть бог весеннего плодородия *Ярила* (Иванов, Топоров 1974, 183-184). Благодаря переплетению христианского и языческого культов сформировался сложный персонаж, объединяющий в себе две различные плоскости. Исследователь словенских календарных праздников Нико Курет, выражая свою позицию по вопросу происхождения словенского св. Георгия, который называется *Zeleni Jurij*, констатировал, что данный персонаж является субститутom более раннего весеннего божества древних словенцев, и соответственно, древних славян (*Ярило*, *Ярник*) (Kuret 1996, 70). Исследователи древней грузинской культуры предполагают, что популярный в их традиции св. Георгий заместил собой какое-то более древнее божество: когда-то на его месте мог быть языческий бог Луны или умирающее и возрождающееся божество (Baring-Gould 1877, 266-316; Абакелия 1991, 14, 24).

При распутывании генезиса св. Георгия предпосылка о различных в этом персонаже следах первообраза – умирающего и воскресающего божества, которые с течением веков были довольно сильно обесцвечены временем и испытали воздействие более поздних религиозных воззрений, на самом деле заслуживает внимания.

Бог весны и растительности Пергрубрий

Мифологическая традиция балтов (в первую очередь – литовцев и пруссов) частично поддерживает возможность и обоснованность подобных рассуждений. Чертами божества рассматриваемого типа обладают и претендующие на место предшественников св. Юргиса древние божества балтов, связанные с сезонным чередованием жизненных этапов земли, особенно с ее регенерацией весной и возрождающимися силами плодородия. Одно из божеств, традиционно связываемый с Юргинес, – прусский и литовский бог весны и растительности Пергрубрий (*Pergrubrius, Pargrubrius, Pergrubrio, Pergubris*) (Greimas 1990, 457).

Польский типограф, деятель письменности Й. Малецкис-Сандецкис (J. Malietius, XVI в.) совершенно ясно связывает Пергрубрию с Юргинес: «В день Юргиса обычно приносят жертвы Пергрубрию (*Pergrubrio*), который считается богом цветов, растений и всех плодов» (BRMŠ II 203, 208). Об этом же свидетельствуют факты, предоставленные латышским писателем и языковедом Г. Ф. Штендером (G. F. Stender, XVIII в.): «*Pergrūbis* – это бог весны, который раскрывает все крепко сомкнутые почки, словно бы их высиживает. Его праздник отмечался примерно в то же время, что и нашего св. Георгия» (BRMŠ IV 199, 206). Историк XVII века Малой Литвы М. Преторий (M. Praetorius) обобщенно связывает рассматриваемое божество с изменениями сезонов в течение года: «Пергрубрию приписывается то, что он участвует в смене времен года» (PrDP III 284, 285).

Бог плодородия земли Патримпас (*Patrimpas*)

Другое божество, претендующее на место предшественника св. Георгия – прусское и литовское божество плодородия Патримпас (*Patrimpo, Potrimpus, Potrympus*). Одной из ипостасей Патримпа был уж (BRMŠ II 120; BRMŠ III 264; ср. с Дионисом в образе змеи). Эта рептилия как раз связывается с землей, ее глубинами и периодами ее раскрытия и закрытия, во время которых змея мигрировала в ту или иную сторону, то есть на землю или под землю.

Также Патримпас назывался Йоре (Jorè) (Simonas Daukantas, LM I 157-158), и это имя, без сомнения, является родственным славянскому теониму Ярила.

Русский Ярила и белорусский Ярило восходят к яр- (**jar-*). Слова с данным корнем обычно связаны со значением весны и с тем, что непосредственно соотносится с функцией предоставления плодородия: ср. рус. *яровой*, *ярый* «весенний», «посеянный весной»; *яровой хлеб*, *яровое*, *яровник* «поле, засеянное яровыми», *ярина* «ячмень, овес»; *ярица* «яровые», *яровик* «бычок», *ярка*, *ябочка*, *ярыш*, *ярушка* «молодая (не достигшая возраста) овца», укр. *ярь* «весна», *ярий*, *ярий* «весенний», «молодой, зеленый», «полный сил», «страстный, горячий», «вспыхивающий» и т.д. (Иванов, Топоров 1974, 181, 182).

У славян день св. Георгия (23 апреля) с точки зрения времени был мало удален от свойственного Яриле времени празднования 27 апреля (Иванов, Топоров 1974, 181, 183). Белорусский фольклорный и этнографический материал свидетельствует, что праздник *ярылавіца* (*ярылкі*) мог отмечаться во время дня св. Георгия или в начале лета, иногда – во время Купалы. В празднике содержались магически-аграрные и

свадебно-эротические элементы (БМ 579). По мнению Н. Шапаровой, почитание Ярилы у славян было близко культу греческого умирающего и возрождающегося бога плодородия Диониса (Шапарова 2001, 548).

Место происхождения культа Диониса связывается с Фракией, Лидией и Фригией. Весной лидийцы праздновали появление этого бога и представляли, что это время года приходит с воскресением божества (Фрэзер 2006, 508). Дионис по своему происхождению с материнской стороны – хтоническое божество. По словам Гесиода, матерью Диониса была Семела (дочь царя Фив Кадма и Гармонии) (Hesiodas, *Teogonija* 940-942; Nilsson 1941, 535).

Дионис каждый год был вынужден на определенное время (вероятно, это связывалось с периодом зимы, зимнего отдыха) спускаться под землю, где должен был найти свою изгнанную мать Семелу (она провалилась туда, обожженная молнией, которую пустил Зевс, отец Диониса). Путешествие Диониса в подземный мир в поисках умершей матери, чтобы она возродилась для нового сезона вегетации и природного цикла, также означало временную смерть самого молодого бога и происходящее после этого воскресение (Фрэзер 2006, 508).

С этимологической точки зрения имя Семелы, означающее «земля», связывается с индоевропейским наименованием земли (Nilsson 1941, 535; Топоров 1990, 166). Семела, которая, как предполагается, выполняет роль богини земли, сопоставляется с литовским божеством земли и плодородия Жеминой) – с точки зрения как этимологического родства имен, так и сферы правления, в центре которой находилась земля. Согласно данным труда М. Претория, Жемина была тесно связана с Патримпом. Ее отношение к Патримпу могло быть, по гипотетической реконструкции, как матери к молодому сыну – богу плодородия. Однако подчеркнем, что это – лишь возможность.

М. Преторий подчеркнуто представляет Патримпа как божество весны и плодородия: «Говоря о слове *Patrympo*, следует сказать, что <...> произошло оно от прусского слова *Padrymbu*, которое используется, когда говорят о весне, когда земля отогревается и впитывает влагу, благодаря этому зеленеет и становится плодородной» (PrDP III 160, 161).

Понимание Патримпа как бога плодородия земли близко концепции Жемины, обеспечивавшей плодородие земли. Это, вероятно, заметил и М. Преторий. Он предоставил пронизательное и меткое сопоставление Патримпа и Цереры: «В моем понимании, этого Патримпа в определенном смысле можно сравнивать с Церерой, только Церера почиталась как женщина, а Патримп – как юноша. Однако как голова Цереры была коронована колосьями, так и Патримпа. Церере приписывалась змея, также и для Патримпа все время в горшке держали ужа. Церера была богиней плодов и плодородия, Патримп – тоже <...>» (PrDP III 162, 163, 164, 165).

Хотя здесь М. Преторий и не говорит об идентичности Цереры Жемине, однако большинство фиксировавших балтийскую мифологическую традицию авторов это заметили (Й. Бродовскис, Д. Кляйн, Фридрих Преторий Старший, BRMŠ III 29, 51, 93). Таким образом, Патримп с точки зрения сферы господства и выполняемых функций был близок эквиваленту Цереры Жемине.

Патримпу и Пергрубрию принадлежал похожий участок правления. Может быть, Пергрубрий – это одна из версий бога, контролирующего возрождение природы; версия, получившая отдельное имя. М. Преторий отмечает, что Пергрубрия чествовали не только весной – в марте, но и осенью (PrDP III 264, 265). Дело в том,

что весной «готовят поля к летнему севу», а осенью «надо их обработать для зимнего сева»; кроме того, «осенью, закончив работы, они его за это благодарили» (Там же). Ритуалы Патримпу также проводились как в весенний, так и в осенний сезон (BRMŠ IV 201, 208-209). Это – характерная черта умирающего и возрождающегося бога, представляющего саму живую природу и отражающего ее жизненные циклы. Само понятие – умирающий и возрождающийся бог – является условным и употребляется в религиоведении для наименования соответствующей категории божества. Можно предположить, что традиция балтов, связанная с весенними праздниками, сохранила реликты образа божества, относящегося к данному типу.

Умирающий и возрождающийся бог характерен для сельскохозяйственных обществ. По своей природе он обычно представляет собой божество вегетации, плодородия. Бог этого типа тесно связан с землей и с сезонами года. Он может себя реализовывать только в соответствующее время года и только поддерживая тесную связь с Матерью Землей или замещающими ее божествами. В зимнее время этот бог не активен, и в этот период он удаляется на периферию, обычно – в подземелья. Как представитель мужской божественной силы он может оказывать влияние на Землю во время пробуждения природы, отпирая ее, то есть открывая ее тело и создавая условия для появления растительной жизни, для процесса роста растений.

Перевела с литовского языка Мария Романова

Литература и сокращения

- Baring-Gould 1877 – Baring-Gould, S., *Curious Myths of Middle Ages*, London, Oxford, Cambridge.
- BRMŠ – *Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai*, sudarė Norbertas Vėlius, t. I: *XVI amžius*, Vilnius, 2001; t. III: *XVII amžius*, Vilnius, 2003; t. IV: *XVIII amžius*, Vilnius, 2005. (Sources of the Baltic religion and mythology, compiled by Norbertas Vėlius)
- Daukantas 1976 - Daukantas, Simonas, *Raštai*, sudarė, įvadą ir paaiškinimus parašė V. Merkys, tekstą paruošė B. Vanagienė, t.1, Vilnius.
- Frazer 1961 - Frazer, James George, *Adonis, Attis, Osiris: Studies in the History of Oriental Religion*, vol.1, book I, New York.
- FWSD – *Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend*, vol. I-II, New York, 1949-1950.
- Greimas 1990 – Greimas, Algirdas Julius, *Tautos atminties beiėskant: Apie dievus ir žmones*, Vilnius–Chicago.
- Grimal 1981 - Grimal, Pierre, *Diccionario de mitologija griega y romana*, Barcelona, Buenos Aires, México.
- Kuret 1996 – Kuret, Niko, *Das festliche Jahr der Slowenen: Brauchtum im Jahreslauf*, Hermağoras/Mohorjeva, Klagenfurt/Celovec – Ljubljana/Laibach – Wien/Dunaj.
- Laurinkienė 1996 – Laurinkienė, Nijolė, *Senovės lietuvių dievas Perkūnas: kalboje, tautosakoje, istoriniuose šaltiniuose*, *Tautosakos darbai*, IV, Vilnius.
- Laurinkienė 2012 – Laurinkienė, Nijolė, Šv. Jurgis ir jo pirmtakai, in: *Sakralieji baltų kultūros aspektai = The Sacral Aspects of the Baltic Culture*, Vilnius, p. 177-190.

- LKŽe – *Lietuvių kalbos žodynas*: Elektroninis variantas, [t. I–XX, 1941–2002], prieiga per internetą: <www.lkz.lt>, cituojant nurodomas antraštinis žodis. (Electronic Dictionary of the Lithuanian Language)
- LKŽK – *Lietuvių kalbos žodyno kartoteka*, esanti *Lietuvių kalbos žodyne*. (Card-index of the Dictionary of the Lithuanian Language)
- LM – *Lietuvių mitologija*, t.I., parengė Norbertas Vėlius, Vilnius, 1995.
- LTR – *Lietuvių literatūros ir tautosakos instituto Lietuvių tautosakos rankraštynas*. (Lithuanian Folklore Manuscript department)
- Nilsson 1941 - Nilsson, Martin P., *Geschichte der griechischen Religion*, Bd. 1, München.
- PrDP – Pretorijus Matas. *Prūsijos įdomybės, arba Prūsijos regykla, = Deliciae Prussicae, oder Preussische Schaubühne*, sudarė Ingė Lukšaitė, t. III, Vilnius, 2006.
- Vyšniauskaitė 1993 – Vyšniauskaitė, Angelė, *Mūsų metai ir šventės*, Kaunas.
- Абакелия 1991 – Абакелия, Нино, *Миф и ритуал в Западной Грузии. Тбилиси*. (Abakelija 1991 – Abakelija, Nino, *Mif i ritual v Zapadnoj Gruzii*. Tbilisi.)
- Бардавелидзе 1933 – Бардавелидзе, В.В., *Опыт социологического изучения хевсурских верований*, Тифлис.
- (Bardavelidze 1933 – Bardavelidze, V.V., *Опыт социологического изуčenja hevsurskih verovanij*, Tiflis.)
- БМ - *Беларуская міфалогія: Энцыклапедычны слоўн.*, рэд. кал. С.Санько, Т. Валодзіна, У.Васілевіч і інш., Мінск, 2004.
- (BM - *Belaruskaja mifalogija: Ėncyklapedyčny sloŭn.*, rėd. kal. S.San'ko, T. Valodzina, U.Vasilevič i inš., Minsk, 2004.)
- ВП - *Веснавыя песні*, склад. Г. А. Барташэвіч, Л.М. Салавей, Мінск, 1979.
- (VP - *Vesnavyja pesni*, sklad. G. A. Bartašėvič, L.M. Salavej, Minsk, 1979.)
- Древлянский 1846 – Древлянский, П. Белорусские народные предания, *Журнал Министерства народного просвещения*, СПб, Прибавление, кн. 1.
- (Drevljanskij 1846 – Drevljanskij, P. Belorusskie narodnye predanija, *Žurnal Ministerstva narodnogo prosvėšenija*, SPb, Pribavlenie, kn. 1.)
- Иванов, В. В., Топоров, В. Н., *Исследования в области славянских древностей*, Москва, 1974.
- (Ivanov, V.V., Toporov, V. N., *Issledovanija v oblasti slavjanskih drevnostej*, Moskva, 1974.)
- МНМ – *Мифы народов мира*, т. I–II, гл. ред. С. А. Токарев, Москва, 1980, 1982.
- (MNM – *Mify narodov mira*, t. I–II, gl. red. S. A. Tokarev, Moskva, 1980, 1982.)
- СД I-IV – *Славянские древности: Этнолингвистический словарь* под. ред. Н. И. Толстого, т. I – 1995, т. II – 1999, т. III – 2004, т. IV – 2009, т. V – 2011, Москва.
- (SD I-IV – *Slavjanskie drevnosti: Ėtnolingvističeskij slovar'* pod. red. N. I. Tolstogo, t. I – 1995, t. II – 1999, t. III – 2004, t. IV – 2009, t. V – 2011, Moskva.)
- Шапарова 2001- Шапарова, Н. С., *Краткая энциклопедия славянской мифологии*, Москва.
- (Šaparova 2001- Šaparova, N. S., *Kratkaja ėnciklopedija slavjanskoj mifologii*, Moskva.)
- Фрэзер 2006. – Фрэзер, Джеймс Джордж, *Золотая ветвь*, пер. с англ. М. К. Рыклина, Москва.
- (Frėzer 2006. – Frėzer, Džejms Džordž, *Zolotaja vetv'*, per. s angl. M. K. Ryklina, Moskva.)

The Concept of Earth's Opening in Spring and Closing in Autumn

Nijolė Laurinkienė

This article analyses the concept of the Earth's opening in spring and closing in autumn, which is reconstructed mainly based on Lithuanian folklore data and comparing it to Slavonic tradition. It examines what kind of mythical being was connected to these cyclical regularly occurring processes, and which played a role of an inducer or an executor of these phenomena. It is presumed that it could have been performed by the folkloric character of St George.

St. George, as suggested in the 17th century written sources, is a quite a late substitute of the earlier pagan deities. This article examines who might have been the predecessor of St George, a favourite Christian saint in Lithuania. It discusses a number of deities, who by functions, activities area, or were otherwise similar to the folkloristic St George, and once used to be in the character's place. These include the Lithuanian god of thunder *Perkūnas*, the Prussian and Lithuanian god of the spring and flora *Pergrubrius* (*Pargrubrius*, *Pergrubrio*, *Pergubris*) or the Prussian and Lithuanian god of fertility of the earth and vegetation *Patrimpo* (*Potrimpus*, *Potrympus*).